

stycznym manifeście, za jaki uznać można opowiadanie *Sezon w Wenecji*, takie oto *credo* wypowiada dzięciącemu bohaterowi (autorskiemu *porte parole*) ciotka o nieprzypadkowym imieniu Weronika (święta Weronika i jej chusta, na której pozostało odbicie twarzy cierpiącego Chrystusa, stanowi metafizyczną sankcję dla sztuki w chrześcijaństwie):

Muzyka to, mój drogi, wyobraźnia w tym wypadku. Mogłaby być także poezja. Mogłaby być i gwiazdy, i zachody słońca, następujące po sobie, czy chcemy czy nie chcemy... Mogłaby być odwieczne cykle zimy i lata, opadanie liści z drzew jesienią i kiełkowanie wiosną, wszystko jedno... Trzeba sobie tylko wyobrazić, że są rzeczy trwałe, niezmiennie i rzeczy przemijające. Jakie bądź wiatry wieją i szaleją groźne burze. Wyobrazić sobie, że nawet w środku burzy w tych rzeczach stałych możesz odnaleźć ratunek. Wyobraźnia może w najstraszniejszych chwilach przynieść ocalenie... (*Jedźmy, wracajmy i inne opowiadania*, Warszawa 2000, s. 72).

Czytając najnowszą monografię cyklu podolskiego pomyślałam, że choć jest wnikliwa i przynosi szereg odkrywczych tez na temat arcydzieła Odojewskiego, nie unieważnia przecież tych interpretacji, które już istnieją. Jest wobec nich komplementarna; wypełnia miejsca dotychczas marginalizowane, prostuje pomyłki, dopowiada i konkretyzuje wcześniej zarysowane koncepty. Dla poznania innych wymiarów artystycznych i myślowych cyklu podolskiego należałoby przeczytać także pozostałe interpretacje. Nadal nie ma (i może nigdy nie będzie) pełnej monografii tak cyklu podolskiego, jak i całej twórczości pisarza. Najwyraźniej paradygmaty współczesnej humanistyki nie sprzyjają monografiom z podobnych po-

wodów, co ujęciom przekrojowym, syntetycznym i historycznym. Jesteśmy skazani na hipotetyczne całości, które lepimy z istniejących fragmentów.

Magdalena Rabizo-Birek

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖАНРА

(проблемы теории и истории литературных жанров), „ВЕСЫ”, альманах гуманитарных кафедр, № 25. Изд. Балашовского филиала Саратовского государственного университета, 2003. 132 с.

О ЖАНРАХ И ЖАНРОВЫХ СИСТЕМАХ, «ВЕСЫ», альманах гуманитарных кафедр, № 29. Изд. Балашовского филиала Саратовского государственного университета, 2004. 132 с.

Авторский коллектив обоих сборников объединяет не только общая занятость на кафедре литературы Балашовского филиала Саратовского университета (Россия), но и серьёзный интерес к проблемам литературных жанров, их теории и истории. Плодами этого интереса и явились два тематических выпуска альманаха «Весы». Первый из них посвящён, главным образом, вопросам исторического развития жанров и жанровых форм, второй – взаимосотнесённости отдельных жанров в рамках складывающихся жанровых систем.

Между тем можно предположить, что лишь ограниченный объём продолжающегося издания заставил авторский коллектив разделить свои труды на два выпуска. По сути, оба сборника в совокупности следует, оче-

видно, рассматривать как единую коллективную работу, отражающую в значительной мере не только широкие интересы и возможности балашовских филологов, но в какой-то мере и состояние жанрологии в современном российском литературоведении.

Каждый из вышусков открывается солидной теоретической статьей В. Вахрушева, определяющей створ поднимаемых вопросов и задающей тон исследованиям более частных, конкретных тем. Во введении в сборник «Приключения жанра» автор рассуждает о теории жанра и истории его изучения, воспринимая изучаемую категорию не только в литературоведческом, но и в философском аспекте. Здесь же намечена и важнейшая проблема эволюции литературных жанров. Практически продолжает эту работу вступительная статья ко второму сборнику, озаглавленная «О системах жанров в литературе и культуре». Сразу же отмечу богатый научный аппарат обеих работ, где представлены солидные труды не только русских, но также и европейских (немецких, английских, польских, французских) и американских исследователей. При этом фундированность воззрений автора не ущемляет их самостоятельности.

Для логики рассуждений В. Вахрушева принципиально важен такой постулат: «пока существуют жанры..., они стихийно складываются в системы» (№ 29, с. 9). Отсюда следует очень нелёгкий вопрос о том, какая система жанров существует в современной литературе. Пожалуй, такой поворот темы и определяет особый интерес эрудированного специалиста к жанрам и жанровым системам в литературе XX века и особенно – новейшего периода. Опираясь на мнения крупных теоретиков, полемизируя в то же время с иными новейшими крити-

ками, Вахрушев не скрывает своего принципиального несогласия с литературной критикой постмодернистского толка, склонной к игнорированию всех (или многих) традиционных подходов и завышенной оценке современных новаций (в том числе и жанровых). Иногда полемическая направленность статей переходит из подтекста в собственно текст работ, придавая им публицистическую акцентированность.

Прочие труды обоих сборников в определённой мере развивают отдельные положения теоретических вступлений на материале либо отдельных жанров, либо произведений отдельных писателей. Диапазон охваченного литературного материала весьма широк: от древнерусской повести к прозе Татьяны Толстой и Людмилы Петрушевской, от французских и английских романистов 17–18 веков до романов Ф. М. Достоевского, от книг Чарльза Диккенса и Томаса Де Квинси до поэзии Джеймса Джойса.

Анализируя процесс становления жанра повести в древнерусской литературе, П. Т. Громов чётко оговаривает смысл жанровой дефиниции «повесть» применительно к литературе изучаемого им периода. Уместны замечания о роли фольклорных жанров, житийной литературы и сказаний в становлении исследуемой формы. Работа хорошо аргументирована широким литературным материалом и предлагает читателю-специалисту каталог жанровых признаков древнерусской *повести*. Дискуссионным представляется замечание о «поверхностном психологизме повести» (№ 29, с. 52). Можно предположить, что древнерусская повесть вообще не нуждалась в названном качестве, как не нуждалась, к примеру, в третьем измерении плоскостная средневековая живопись.

Несомненно, связаны между собой две статьи О. П. Лебёдушкиной.

Одна посвящена проблеме интертекстуальности в современной русской прозе; «главным героем» очерка является известный прозаик Л. Петрушевская. Вторая работа посвящена уже только прозе этой писательницы, в произведениях которой автор статьи обнаруживает жанровые приметы меннипей. Петрушевская, наверное, не может пожаловаться на невнимание к её прозе и драматургии со стороны современной критики, но предметом *научных* исследований её творчество ещё по-настоящему не стало. В логично выстроенных работах Лебедушкиной привлекает опора на солидный научный аппарат и стремление не только «одаривать» изучаемый материал сциентизированными дефинициями (это стало модой в некоторых московских периодических изданиях), но и сделать свои наблюдения литературоведчески доказательными.

Очень интересна уже по постановке проблемы статья А. Ф. Седова, посвящённая соотношению *анекдота* с другими жанрами словесности. Всей логикой рассуждений автор подводит к заключению, что анекдот из исключительно устного жанра стал со временем и жанром письменной литературы. Любопытны мысли исследователя о жанрообразующем признаке исследуемой формы; с его точки зрения, это не структура, и не функция текста, а иерархический статус анекдота в системе культуры (№ 25, с. 108). Такой вывод имеет, разумеется, право на существование, хотя может вызвать, полагаю, немало возражений; но и в том видится достоинство провокативного исследования. Разве Что с классификацией анекдотов, предложенной на с. 109, позволю себе не согласиться по одному лишь соображению: эта классификация лишена единого принципа дифференциации (*principium divisionis*).

Казалось бы, тема содержательной статьи этого же автора в другом сборнике никак не соотносится с исследованием анекдота. Посвящена та статья «жанровой энциклопедичности» романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» - произведения, о котором в мире существует гора литературы. Тем не менее Седов выбирает свой угол зрения на жанровую природу классического романа, опираясь на известные работы, но и не повторяя доподлинно пути, пройденного другими. Внимание автора к роли анекдотического начала в разных фрагментах книги позволяет воспринимать обе его работы в определённой взаимосвязи. Не исключается, что кому-то из читателей статья с замахом на объёмную проблему покажется излишне конспективной, но вполне вероятно, что исследование знаменитого романа, начатое автором рецензируемого сборника, этой публикацией не ограничится.

В двух обстоятельных работах В. И. Догалаковой жанрологические проблемы ставятся на материале современной русской поэзии, не слишком хорошо изученной в литературоведении. В статье о жанровом репертуаре поэзии Елены Шварц особенно интересен анализ своеобразия элегии в творчестве талантливой поэтессы. Что касается другой статьи того же автора, то в ней, на мой взгляд, с культурным исследовательским текстом резко дисгармонируют цитаты из текстов Тимура Кибирова, о принадлежности которых к поэзии можно было бы и дискутировать.

Серьёзная жанровая проблема ставится в статье Т. А. Балашовой «Об истоках сатирико-юмористического научно-фантастического романа». Автор выделяет два типа научно-фантастического романа: серьёзный и сме-

хой. Такую дифференциацию можно считать продуктивной, но скорее все же – лишь для литературы последних полутора столетий. Всё-таки научно-фантастическим принято в литературоведении называть тот подтип фантастического романа, где в основу фантастических построений положена собственно научная или хотя бы наукообразная идея. В этой связи суждения о «Приключениях Гулливера» как научно-фантастическом романе выглядят менее убедительными, чем, допустим, наблюдения о месте некоторых элементов меннипеи в знаменитом романе. Некоторые суждения Т. Балашовой пересекаются с мыслями крупнейшего в современной науке знатока творчества Свифта Клода Росона, с трудами которого автору рецензируемого сборника ещё предстоит, видимо, познакомиться.

К наследию английского романа Эпохи Просвещения и Н. А. Аникеева, которую интересует роман Генри Филдинга и его непосредственных предшественников как «саморефлектирующий» жанр. В российском литературоведении эта проблема на выбранном Аникеевой материале изучена явно недостаточно, и перед автором статьи открывается широкое пространство для исследования. Очевидно, более основательное ознакомление со значительными трудами западноевропейских и американских литературоведов по обозначенной проблеме окажет молодому специалисту неоценимую помощь.

Несколько статей носят откровенно конспективный, а то и тезисный характер, что, повидимому, обусловлено прежде всего ограниченными объёмами сборников. Е. Алиференко по-новому подходит к роману современной писательницы Татьяны Толстой «Кысь», находя в поэтике книги, зачитанной широким читателем, что называется,

«до дыр» и расхваленной российской т.н. «национально-патриотической» критикой, присутствие традиций таких фольклорных жанров, как народная сказка, историческое сказание, семейный обряд, заговор и т.д. Быть может, независимо от желания автора и редакторов, эта статья какой-то гранью соприкасается с работой Т. Балашовой о Свифте, поскольку и в том и в другом случае речь идёт о такой жанровой разновидности, как роман-антиутопия.

В тезисной статье Н. Осиповой намечена интересная тема – эволюция английского «воспитательного романа» 18-19 вв. Другая её статья посвящена жанру «Картин Италии» Диккенса, а с нею соседствует ещё более краткая статья О. Николаевой о жанровой природе «Рождественской песни в прозе» того же писателя. Эти работы, как и статьи Ю. Талагаевой о жанровом взаимодействии в творчестве Томаса Де Квинси и М. Шакировой о жанре малоизвестной дилогии Б. Поплавского можно расценивать как заявки на последующие серьёзные исследования. Такое же впечатление производит содержащая ряд интересных наблюдений сжатая статья С. Шеиной о поэзии Джеймса Джойса. Названные лаконичные публикации дают представления о том, что у авторского коллектива Балашовских жанрологических сборников есть немалый и ещё не в полной мере раскрытый научный потенциал.

Некоторые частные суждения разных авторов могут быть, очевидно, оспорены специалистами. Так, прозвучавшая несколько раз в первом сборнике мысль об «Истории Тома Джонса, найдёныша» как «романе воспитания» (№ 25, с. 9, 10, 99) способна вызвать полемику. Общеизвестно, что сюжетным и тематическим стержнем «романа воспитания» (Bildungsroman)

является становление личности героя. У Филдинга этот процесс сознательно опущен, и главные события происходят с уже сложившейся личностью. Стало быть, мы вправе говорить об этом и других романах только как о предшественниках собственно «романа воспитания». В работе А. Седова (№ 25, с. 112) повесть Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» названа *романом*. Поскольку такое жанровое определение резко расходится с общепринятым, его следовало бы, как минимум, обосновать. Жанровый термин «мелодрама» совершенно не приложим к повести Гоголя «Шинель» (№ 25, с. 110).

Встречаются в сборниках мелкие неточности. К примеру, эссе Де Квинси называется не «О стуке в ворота у Шекспира», как пишет Ю. Талагаева (№ 29, с. 120); а «О стуке в ворота в Макбете». Вряд ли в научном тексте можно называть известный диккенсовский роман одним словом «Копперфилд», как это делает Н. Осипова. Н. Аникеева явно заужает научный профиль видного учёного М. С. Кагана, называя его «искусствоведом»; он и искусствовед, и философ-эстетик, и культуролог... Вообще в академических работах не слишком целесообразны указания на профессию цитируемых авторов: «искусствовед Н)» «литературовед НН) и т.п.; само собой разумеется, что в литературоведческом труде ссылаются на мысли учёных-гуманитариев, а не кондитеров или сантехников.

Впрочем, эти и некоторые другие мелкие шероховатости не могут заслонить главного в книгах – профессиональной разработки целого комплекса актуальных жанрологических проблем. Думается, что малый тираж (веяние нашего непростого времени!) не помешает рецензируемым сборникам быть замеченными коллегами-ли-

тературоведами на русскоязычном культурном пространстве и поступить в широкий научный оборот.

Марк Соколянский

MAŁGORZATY MIKOŁAJCZAK
„W CIENIU HEKSAMETRU”.
INTERPRETACJE WIERSZY
ZBIGNIEWA HERBERTA,
Wydawnictwo Uniwersytetu
Zielonogórskiego, Zielona Góra
2004, s. 260.

Powszechnemu mniemaniu, iż wersyfikacyjne analizy są nudne i nic nie wnoszą w rozumienie treści utworów zadaje kłam książka Małgorzaty Mikołajczak „W cieniu heksametru”. Interpretacje wierszy Zbigniewa Herberta. Badaczka umiejętnie łączy dociekania z trudnej dziedziny poetyki z hermeneutyczną metodą docierania do najgłębszych sensów. Dostrzega przełomową rolę, jaką odegrał w dziejach percepcji Herberta Barańczak, ale u samego wstępu zakłada, że droga przez nią wybrana będzie inna: „nie ironia, lecz wzniosłość; nie antynomiczne rozdarcie, lecz scalająca sfera pamięci (...)” (s. 10). Wnikliwe interpretacje poświadczają tezę o klasycyzmie autora Struny światła, pozwalają ponadto odkryć to, co istotne, a jednocześnie do tej pory niezauważone w poezji Herberta.

Pierwsza spośród dwu głównych części książki ma charakter bardziej teoretyczny. Badaczka skupia uwagę na zagadnieniach wersologicznych, z dużą dojrzałością naukową odnosi się przy tym do dotychczasowych ustaleń innych naukowców. Za jeden z punktów odniesienia bierze też refleksje metametryczne samego poety. Część pierwsza składa się